Когда ты будешь моей

Автор:
Юлия Резник

Когда ты будешь моей

Юлия Резник

Когда ты станешь моей, клянусь, я исправлю все, что натворил. Я осушу твои слёзы, залечу раны и никогда больше… никогда, слышишь?! тебя не обижу. Я буду любить тебя, буду оберегать. Я сделаю все, чтобы стать достойным. Ты только не отталкивай меня, ладно? Дай мне маленький шанс. И может быть я тоже сумею себя простить. Когда-нибудь… Когда ты станешь моей.

Глава 1

Марьяна

– И мы, как всегда, начинаем наш прямой репортаж из Медисон Сквер Гарден, где буквально через несколько минут начнется бой за титул абсолютного чемпиона мира в супер-тяжелом весе по версиям IBF, WBO и WBC между Демидом Балашовым и…

Отбрасываю от себя ручку и зажимаю ладонями уши. Нет сил слушать это снова и снова. Просто нет сил… А потому выходит, что я так и не научилась справляться с этим дерьмом. Не приучила себя не вздрагивать каждый раз при упоминании имени Балашова и всего, что с ним было связано. Смешно! Ведь это происходит так часто, что уже бы пора привыкнуть. Но не получается. Я срываюсь каждый чертов раз. А мне нельзя. У нас с ним дочь вообще-то…

Встаю из-за стола, подхожу к неплотно прикрытой двери, ведущей в кабинет заведующего, и ору, перекрикивая телевизор:

– Владимир Станиславович, можно потише, ну? Я тут вообще-то работать пытаюсь.

– Блин, Марьяш, так ведь бой какой!

– Его еще вчерашней ночью все посмотрели.

– А я проспал! Представляешь? Вырубился после смены… Ой, йой! Ну же, Демид, давай джебами его! Вот так… Какой крюк, а, Марьяш!

Я закатываю глаза и возвращаюсь за стол, понимая, что ничего своими просьбами не добьюсь. Когда дело касается Балашова, все идет кувырком. И никого уж точно не волнует, что в ночь боя я тоже была после смены, а шум в округе поднялся такой, что уснуть было просто невозможно. Последний бой Демида в этом чертовом городе смотрели, кажется, все. Когда во втором раунде Балашов отправил Фьюри в нокдаун, я даже слышала, как завопила моя соседка. Тихая восьмидесятилетняя старушка, которую я всегда считала интеллигентной, не терпящей насилия пацифисткой.

Отбросив прочь ненужные мысли, я пытаюсь сосредоточиться на истории болезни Миши Шульги. Но меня вновь отвлекает шум. На этот раз он доносится из коридора. Полинкин голос я узнаю мгновенно. Он звенит колокольчиком и, отражаясь от узких стен, проносится гулким эхом под люминесцентными лампами. Но сейчас я прислушиваюсь совсем не к тому, о чем трещит эта болтушка.

А к шагам… Легким. Узнаваемым. Ненавистным… Заставляющим сердце биться чаще, несмотря ни на что. Простая синяя ручка выпадает из моих пальцев и, прокатившись по столу, скатывается на пол. Я вскакиваю. Одергиваю медицинский халат и торопливо выхожу из кабинета.

Демид идет по коридору. Огромный, как гора. Меня всегда пугали его размеры. И это было оправдано, учитывая то, как он со мной поступил однажды…

Джинсы, парка, капюшон которой Балашов надел прямо поверх низко опущенной на глаза бейсболки… Ничего особенного, на первый взгляд. А проходящая мимо медсестра чуть глаза не ломает. Бедняжка.

– Не знала, что ты вернулся, – бормочу, снимая с широких плеч Демида нашу трехлетнюю дочь. Меня бесит то, что он забрал Полину из сада, не предупредив о своих планах. Да и его приход сюда… Ну, вот какого черта? Мы ведь договорились, что он будет держаться в стороне от моей жизни!

– Не хотю. Папа – моя коняшка, – трясет головой Полинка, вырываясь из моих рук. Я отступаю, стараясь не смотреть на Балашова, но один черт замечаю кровоподтек на его выступающей скуле и чуть припухший глаз.

В пятом раунде Фьюри собрался. Провел несколько успешных ударов в голову, но в итоге переборщил с агрессией, и рефери снял с него очко за удержание рук и наваливание на противника.

Признаюсь, в ночь последнего боя Балашова я стала отступницей. Еретичкой. Единственным человеком во всей нашей стране, кто болел не за него. Всей душой я была с Фьюри… там.

Но проиграла. Опять проиграла. Как и всегда до этого.

– Угу. Вернулся… Извини, что не предупредил тебя насчет Польки. Телефон сдох.

– Ничего, – натянуто улыбаюсь. Демид, когда хочет, может быть настоящим душкой. Или… последним уродом. В общем, действует по обстоятельствам.

– Ты скоро закончишь? – спрашивает, бросив небрежный взгляд на часы, стоимость которых, должно быть, равняется бюджету загибающейся Венесуэлы, и пересаживает Полинку на одну руку. Его мышцы даже не напрягаются. Так, обозначаются под плотным атласом кожи. В сильных руках отца наша девочка кажется сказочной принцессой эльфов. Сглатываю.

– Минут через десять освобожусь.

– Мы подождем тебя на улице, ладно?

– Зачем? – спрашиваю настороженно.

– Да так… Хотел отметить завершение карьеры.

– А что не так с твоими подружками?

Челюсти Демида дергаются. Как будто он хочет сказать мне какую-то гадость, но в последний момент съедает её. Я чертыхаюсь про себя. Вот почему так? Стоит его увидеть, и вся моя выдержка летит к чертям? Я ведь обещала себе игнорировать эту тему! Потому что она меня не касается. Вообще… И никогда не касалась.

– Мама бука! – хмурит тонкие брови Полинка, обнимая Балашова за мощную шею. Ее детских ручек явно не хватает, чтобы объять необъятное, но она, как может, выражает отцу свою любовь и верность. Маленькая предательница звонко чмокает Демида в небритую щеку, оставляя на коже влажный след. Он даже не морщится, лишь улыбается, как будто это самое лучшее из всего, что случилось с ним за долгое время, и шутливо подбрасывает дочку. Та визжит. А у меня, кажется, поднимается внутричерепное давление.

– Марьян, я же ничего такого не предлагаю. В пиццерию сходить с ребенком. Как семья…

Сую руки в карманы халата, совершенно не понимая, что делать дальше. По большому счету, я даже видеть Балашова не хочу, не то, чтобы с ним куда-то ходить. Но у нас дочь. И я действительно стараюсь делать все, чтобы наши дерьмовые отношения с Балашовым никак на ней не отражались. Для Полинки мы просто родители, обожающие свою дочь. Но никак не враги. И слава богу.

– Да-да! Вали его! – доносится из-за двери ликующий вопль Иванюка, после которого он прибавляет звук и в телевизоре.

– Каа-а-акой напряженный момент! – возбуждённо орет комментатор. – Вы только посмотрите на Балашова! Да! Именно в таких контратаках сказывается преимущество Демида в размерах и классе. Он просто рубит… рубит американца, прижимает к канатам! И… жестким правым хуком отправляет его в чистый нокаут! Да-а-а-а! Ай да Демид! Тридцать восемь лет… Два метра два сантиметра… Сто четыре килограмма… Напомню, что за плечами Балашова

шестьдесят четыре боя на профессиональном ринге и шестьдесят одна победа. Из них пятьдесят две – победы нокаутом. Без ложной скромности, легенда мирового бокса. Накануне боя Демид заявил о завершении профессиональной карьеры. Да, господа, заканчивается целая эпоха… Но как заканчивается, а?! На какой высокой ноте! Красивейший финал…

Отвожу взгляд, вдруг осознав, что все это время пялюсь на Демида, как какая-нибудь сбрендившая фанатка. А он смотрит на меня…

Из шестой палаты, чуть дальше по коридору, выходит мама с ребенком. Демид сутулится, опускает голову, отработанным движением пряча лицо под козырьком. Я все сильней нервничаю. Еще немного, и его точно кто-нибудь да узнает. А мне это ни к чему.

– Ладно! Подождите меня в парке. Там детская площадка есть. А ты, Полинка, постарайся не уделаться, ладно?

– Мамоська пойдет с нами в пиццилию? – улыбается та и обхватывает ладошками побитое лицо отца.

– Угу, пойдет. Ты рада?

– Осинь.

Их голоса удаляются, а я стою, как дура, посреди коридора, разглядывая мощную спину Демида и подпрыгивающий где-то в районе его плеча куцый Полинкин хвостик. Зря я волновалась… Из Балашова вышел прекрасный отец. Он поражает меня своим терпением во всем, что касалось дочери. Он остается спокойным даже в тех ситуациях, когда мне самой отказывает выдержка. А ведь во всем остальном – у Демида просто бешеный нрав. И большие проблемы с контролем над гневом.

Я встряхиваюсь, отгоняя воспоминания. Возвращаюсь в ординаторскую и, быстро дописав историю, переодеваюсь. В комнате отдыха Владимир Станиславович что-то бубнит под нос. Даже интересно, что бы он сказал, если бы увидел в нашем отделении своего кумира. Ставлю на то, что зав не смог бы выдавить из себя и звука, хотя обычно никогда не лез за словом в карман.

– Владимир Станиславович, я добила историю Шульги и ухожу!

– Уже? Ну, давай, Марьяш. Теперь до послезавтра?

– Угу. У меня сутки.

– Будешь с Новиковым дежурить.

– С Новиковым хорошо, – покладисто киваю я.

– А со мной, выходит, плохо?

– Неспокойно! – мой палец уличающее тычет в сторону комнаты отдыха, в которой до сих пор работает телевизор.

– Да это ж такой бой! Грех было не посмотреть, Марьяш! – оправдывается Иванюк.

Я смеюсь. Перекидываю пальто с сумкой на одну руку и, помахав на прощание заведующему, топаю к выходу. Киваю постовой медсестре, останавливаюсь, чтобы отругать курящего на лестничной клетке папашу, и притормаживаю у большого зеркала в холле.

Нет, вы только не подумайте. Плевать мне на то, как я выгляжу! Точнее, не так… Не плевать. Мне, как и любой другой женщине, не чуждо некоторое тщеславие. Просто… не для Балашова это все. Не для Балашова! Я до сих пор цепенею, когда на мне задерживается его взгляд. Цепенею… А он это видит. И злится. Боже мой, как он злится! Словно у меня нет повода вести себя именно так. Словно все те страхи, что он во мне пробудил, ровным счетом ничего не значат. Сглатываю ставшую вязкой слюну. Скольжу взглядом по удобным шерстяным брючкам цвета маренго, поправляю воротник на водолазке и приглаживаю выбившиеся из хвоста пряди. Мой наряд вряд ли можно назвать вызывающим или сексуальным. Наверное, можно расслабиться. Вот только…

Когда Балашов меня изнасиловал, на мне была невзрачная серая роба врача скорой помощи.

О, да господи! – тут же одергиваю себя. – С тех пор прошла куча времени! Он был обдолбанным в тот день и напрочь слетевшим с катушек… За столько лет Демид здорово изменился.

Ну, вот… Давай. Ищи ему оправдания!

Из здания больницы выхожу взвинченной донельзя. Но стоит увидеть, как Демид возится с дочкой в песочнице – вся моя злость исчезает. Будто ее никогда и не было. Да, я не планировала ребенка от насильника… Но случилось то, что случилось. И даже если сейчас мне предложат вернуться в тот день, чтобы изменить его, я ни за что не соглашусь. Эта маленькая проказница – моя награда за все. А Демид… я просто не могу этого не признать, лучший отец для неё из всех возможных.

– Эй, я готова!

Балашов вскидывает голову, шепчет что-то Поле на ушко и широко улыбается. Она хихикает в ответ, прикрывая ладошкой рот, кивает. Тогда Демид отряхивает дочь от песка, вновь подхватывает её на руки и выпрямляется во весь свой гигантский рост. Это было проблемой. То, что он все время таскал её на себе. Вот как взял в свои огромные руки еще в роддоме, так, кажется, и не отпускал. А она, привыкнув к этому, постоянно просилась на ручки. Стоит ли говорить, как чудовищно у меня болела поясница, когда Полинка чуть подросла?

– Куда ты хотел поехать? – спрашиваю, забираясь в пафосный Хаммер Балашова. С детским, мать его, креслицем, установленным на заднем сиденье, которое он никогда, на моей памяти, не снимал. Интересно, как реагируют его женщины на наличие такого аксессуара? Наверное, им не до него.

– Э-э-э… Вообще-то, никуда.

Я в мгновение ока напрягаюсь:

– Ты сказал, что хочешь отвезти Полину в пиццерию.

– Да, но потом подумал… Знаешь, сейчас вокруг меня такая шумиха… Вряд ли нам удастся по-человечески посидеть.

– Полюш, милая, похоже, мы едем домой, – бормочу, нащупывая дверную ручку. Но замки щелкают – блокируя нас в салоне. Это Демид нажал на какую-то кнопку, и… В тот же миг пространство салона будто сжимается. Я ощущаю Балашова так близко, так невыносимо близко к себе… Его запах забивается в ноздри и перекрывает мой кислород. Капля холодного пота скатывается вниз по позвоночнику. Дыхание останавливается.

– Эй… Я просто хотел напроситься к вам в гости. Закажем пиццу, выпьем вина… Покажешь мне видюху из детского сада. Ты же белочкой была, Поль?

– Угу. Лыжинькой.

Я с облегчением выдыхаю. Волна отката проносится телом и ударяет под колени. Ноги становятся ватными, и хорошо, что я сижу, иначе бы просто рухнула на пол, как недобитая королева драмы.

– Так что, ты не против? Я надолго не задержусь, правда. Просто… соскучился очень.

Поднимаю ресницы и, как в ледяной океан, погружаюсь в самые синие в мире глаза. Я не могу ему отказать. Потому что это противоречит всем моим договоренностям с собственной совестью и здравым смыслом.

– Хорошо. Пицца – так пицца, – пожимаю плечами я и отворачиваюсь к окну.

Глава 2

Демид

Марьяна сидит, вжавшись в обивку сиденья побелевшими пальцами и, кажется, даже не дышит. Я судорожно соображаю, какого черта снова пошло не так. Но, видимо, предпоследний хук Фьюри был слишком сильный. Истина доходит до меня с опозданием. Когда кажется – еще чуть-чуть, и она грохнется в обморок. Матерюсь про себя, открываю гребаные замки, и лишь тогда Марьяна расслабляется. Не то, чтобы полностью, но и этого достаточно, чтобы сделать

следующий вдох. Дерьмо! Четыре года прошло… Четыре, мать его, года, в течение которых я только и делаю, что пытаюсь наладить с ней отношения. И заслужить прощение за то, что даже сам себе простить не могу.

В кресле на заднем сиденье сидит наша дочь. Маленькая принцесса эльфов. До нас ей нет дела. Она разглядывает аппликацию на своем новеньком рюкзачке. Свинку, прости господи, Пеппу и еще каких-то уродов, в которых создатели мультика умудрились разглядеть козу и зебру. И я даже знать не хочу, что они перед этим курили…

Завожу мотор и выезжаю со стоянки. Уже довольно прохладно, но клумбы еще в цвету. Марьяна может работать где угодно, но почему-то работает здесь. В педиатрическом отделении самой обычной районной больницы, расположенной в унылом спальнике.

Вообще-то моя девочка мечтала стать парамедиком. Но после того, что я натворил, ее мечтам не суждено было сбыться.

Не то, чтобы Марьяна делилась со мной своими мечтами… Об этом, как и о многом другом, я узнал от ее матери. И, конечно, действовать через неё было нечестно. Да только вряд ли кому-то придет в голову предъявлять мне претензии. Я – Демид Балашов. Редкий засранец – спросите кого угодно.

Но для нее я хочу стать лучше.

– Какой красивый рюкзачок.

– Это мне папа подалил.

Ловлю в зеркале заднего вида Полинкин взгляд и, как дурак, улыбаюсь. Я присутствовал на родах и был тем, кто перерезал ее пуповину. Но, знаете, мне кажется, что в тот момент между нами протянулись намного более прочные нити. Один конец опоясывает мое сердце. Другой – крепится к её маленькому пальчику. Эта малышка вертит мной, как может. А я и рад стараться. Потому что люблю ее до безумия. Она – единственный человек за всю мою проклятую жизнь, который любит меня в ответ. Любит таким, какой я есть. Любит бескорыстно и преданно. И только за одно это я готов бросить к её ногам весь мир. Но ей это не нужно. И в этом вся соль.

– Тебе не дует, Кексик?

Поля морщит нос и отрицательно качает головой. Светлый хвостик мотается из стороны в сторону. Полинка – моя точная копия. Только белобрысенькая в Марьяну. Довольно необычное комбо, благодаря которому наша малышка растет настоящей красавицей. И нет, я не преувеличиваю. Ничуть.

Выворачиваю руль и перевожу взгляд на Марьяну.

– Закажем доставку из дома? Или заедем в ресторан?

Марьяна хлопает по карманам, нащупывает телефон и открывает какое-то приложение.

– Я могу заказать прямо сейчас. Чтобы не терять время… – её голос звучит, как писк, и она вынуждена откашляться в середине предложения. Да чтоб его! Марьяна ведет себя так, как будто действительно не понимает, что я затеял это все не ради ужина. А я… Я просто так долго был вдали от неё, так бесконечно долго… Что, как голодный пёс, готов сожрать все, что перепадет. Любую возможность… Я готов врать, изворачиваться и юлить, чтобы побыть рядом лишние полчаса. Да что там… я буду рад даже минуте. Секунде, кого я обманываю?

И пусть это желание не взаимно – меня это совершенно не останавливает. Я понимаю – знай Марьяна о том, чего я на самом деле хочу, она бы даже на порог меня не пустила. О, да! Эта женщина так сильно меня ненавидит, что если бы ей предложили выбирать между почкой и необходимостью со мной общаться, она бы уже давно была на диализе. Осознавать это довольно дерьмово, но… Вы же понимаете – я не из тех, кто сдается. Ни на минуточку.

– Хочешь, заедем в магазин?

– Зачем?

– Купить что-нибудь из продуктов, я не знаю… – снимаю кепку и провожу по ежику волос. Над ухом – приличная шишка. А тело ломит даже под тремя таблетками обезболивающего. Бой был просто адским. По большому счету мне

нужно было отлежаться в моей нью-йоркской квартире и провести еще парочку пресс-конференций, на которых настаивал промоутер. В общем, проявить хоть каплю сознательности. Но я забил на это дерьмо и вылетел домой первым же рейсом. Расплатой за баранье упрямство стала ужасная боль, которая терзала мои кишки в течение всего перелета. К черту. Зато в кои веки не болела душа. А ведь так было всегда, когда я долго находился вдали от семьи. И, нет, что бы там ни писали в прессе, моей семьей была вовсе не команда. Взгляд скользнул по недовольно нахмурившейся Марьяне и дочке, пытающейся ручкой поймать ускользающие солнечные блики. Вот… вот, кто был моей семьей. И похрен, что по этому поводу думает сама Марьяна.

– Спасибо, но нет. Я недавно была в Ашане.

Ага. Ну, я так и думал. Марьяна-я-все-сама-Авдеева. Ничего не меняется. Рядом с такими женщинами у мужиков обычно усыхают яйца. Но я не из пугливых.

– Окей.

– Окей, и мы все равно сворачиваем к магазину?

– Я только пива куплю. У тебя сто пудов нет.

– Ты же за рулем!

– Безалкогольного, Марьяш. Безалкогольного. Я не пью. Помнишь?

Она сглатывает. Я буквально вижу, как гаснет ее запал. Марьяна сутулит плечи и отворачивается к окну. Черт… Я не хотел ей напоминать о том, как пришел к такой жизни. Но все же напомнил.

– Папа, я пойду с тобой!

– Как скажешь, Кексик.

Выхожу из машины и, открыв заднюю дверь, расстегиваю ремни автокресла.

– Только не вздумай ей покупать все, что она захочет, – слышу усталый голос. – Ты ее ужасно разбаловал.

Ну, окей… делаю себе пометку делить запросы Полинки хотя бы на два. Возможно, я и впрямь перегибаю палку. Просто, когда ты сам вырос в нищете, потребность баловать собственного ребенка порой действительно возобладает над здравым смыслом.

О том, что вечером пятницы на кассах в супермаркете могут быть очереди, я даже не подумал. Как и о том, что меня могут узнать. А потому у меня случилась незапланированная раздача автографов, и мы порядком задержались. Марьяна поджидала нас, меряя шагами стоянку.

– Извини, что долго.

– Там было много людей. Они нас фотоглафиловали, – улыбается Полинка, подпрыгивая на одной ножке. Марьяна переводит на меня возмущенный взгляд.

– На самом деле Полину они не снимали, – невольно оправдываюсь.

– Как ты можешь быть в этом уверен? Ты отобрал у всех чертовы телефоны?!

Вообще-то, нет. Но я пытался прикрыть дочь собственным телом.

– Мамоська сказала «челт», – округляет глаза Полинка. Марьяна жмурится, чертыхается себе под нос и с шумом выталкивает застрявший в легких воздух.

– Прости, милая. Мне не стоило этого говорить. Это – плохое слово.

Я перевожу взгляд чуть дальше и замечаю высыпавших на стоянку зевак.

– Нужно уезжать, – командую я и быстро усаживаю Полинку в кресло. Запрыгиваю за руль и на скорости выезжаю со стоянки. Вижу, что Марьяна все еще злится. И проклинаю себя за то, что дал ей для этого новый повод.

Марьяна с Полинкой живут в старой трешке, принадлежащей еще родителям Марьяны. Она достаточно просторная и находится в хорошем районе недалеко

от центра, но это все равно не то жилье, в котором я хочу растить свою дочь. Я выхожу на ринг не для этого! Вот только Марьяне плевать на мое мнение. Иногда мне кажется, что она намеренно злит меня, раз за разом отказываясь от покупки недвижимости получше и не прикасаясь к алиментам, которые я ей исправно плачу. Этих денег, кстати, вполне достаточно, чтобы купить весь этот чертов район. Да только она отмахивается от них, как от грязи. От них… и от меня заодно. Вот такое дерьмо. Но кто я такой, чтобы жаловаться?

Поднимаемся на второй этаж, Марьяна открывает замки, и мы оказываемся в тесной прихожей. Едва не сталкиваемся лбами, когда одновременно наклоняемся, чтобы помочь Полинке разуться. Тут же отшатываемся друг от друга. Она – потому что все еще боится меня. А я… потому что её страх оправдан. Более чем… Правда. Когда Марьяна так близко, что наше дыхание смешивается, держать себя в руках становится практически невозможно. Мои ноздри подрагивают, поглощая ее дыхание. Я так сильно хочу коснуться ее волос, что мне приходится сжимать в кулаки руки. Вставший член натягивает плотную ткань джинсов, и я морщусь от боли – их крой явно не рассчитан на такие объемы. Я чертов извращенец, реально. Мне нравится даже запах больницы, исходящий от ее кожи. Сейчас Марьяна пойдет в душ и смоет его. Но пока этого не произошло, я тащусь от того, как она пахнет. Может быть, этот затык как-то связан с нашим с ней первым разом. Не знаю. И думать об этом не хочу. Потому что это так страшно, господи. Все, что я натворил… Эти воспоминания меня убивают. И, наверное, хорошо, что их осталось не так уж много в моей отбитой профессиональным спортом башке.

– Кх… Поможешь Поле раздеться? Мне надо в душ.

Облизываю сухие губы и киваю. Сердце стучит в грудной клетке. Отбитый бок ноет. Марьяна уходит. Полька плюхается на банкетку и нечаянно толкает меня. Силенок там – как у котенка. Но я один черт шиплю от боли. Знаете, все эти домыслы о том, что я сожалею о завершении спортивной карьеры – дерьмо собачье. На самом деле в своей жизни я не жалею вообще ни о чем. Если, конечно, вынести за рамки тот случай с Марьяной. А в спорте… в спорте я сделал все, что мог. Побил все рекорды и установил пару десятков новых. Я реализовался на все сто процентов и добился всего, о чем мальчишкой даже и не мечтал. Но я не собираюсь и дальше махать кулаками, каждый раз рискуя своим здоровьем. У меня новая цель. Я хочу увидеть, как вырастет моя дочь. Хочу отвести ее в первый класс и под венец… Ладно, с венцом я, конечно, погорячился, убью любого, кто только посмотрит на мою девочку… Но, думаю,

моя мысль понятна. Я просто хочу быть рядом с моей малышкой. И её мамой. Если мне повезет. Ну, а если окажется, что я действительно такой везучий сукин сын, как обо мне пишут таблоиды, то, может, Марьяна согласится родить мне еще кого-нибудь. Понимаю, как глупо на это рассчитывать, но… Я всегда хотел большую семью.

Мы раздеваемся, идем в детскую. Поля показывает мне свой костюм белочки и рассказывает, как здорово они повеселились на празднике осени, который для них устроили воспитатели детского сада.

– Сейцас, я показу тебе фотоглафии, – вскакивает Полинка, выбегает из комнаты и возвращается с телефоном Марьяны. Быстрое движение маленьких пальчиков, и перед моим носом оказывается галерея. Я улыбаюсь, забираю телефон из ручек дочери, опасаясь, что она его разобьет, и листаю фотки. Скол у основания экрана говорит о том, что мои опасения не напрасны. Очевидно, что этот телефон летал не раз, и не два. А потом передо мной всплывает сообщение из ватсап. И улыбка гаснет.

«Привет самому красивому доктору нашего отделения. Как смена?»

Я каменею. Зря я отобрал телефон из Полинкиных рук. В моих тому придет конец с гораздо большей вероятностью.

Дверь за спиной хлопает. На пороге застывает Марьяна, но увидев свой телефон в моих руках, быстро пересекает комнату и выхватывает из них трубку. Меня обдает ароматом её геля для душа и… ярости. Но по сравнению с тем, что сейчас чувствую я – это так… сквозняк. Во мне же закручивается что-то страшное. Ревность. Жгучая, острая, как кайенский перец, который моя домработница-мексиканка добавляет даже в чертов десерт. Я сжимаю и разжимаю кулаки, дышу, как роженица в схватках. Но челюсти все равно сводит, а картинку перед глазами будто заштриховывает красным. Я поднимаю взгляд. Неспешно, давая себе время остынуть. Скольжу по аккуратным пальцам с вызывающим алым педикюром (а ведь ногти на руках Марьяна не красит – нельзя, она – врач), по изящным щиколоткам, идеальным икрам, коленям, бедрам… прикрытым лишь старой растянутой футболкой, и выше, к пышной груди, натянувшей эту злосчастную тряпку донельзя. И понимаю, что выскочить в таком виде из ванной её мог заставить только пожар. Или телефон. Который Полинка взяла без спросу.

В дверь звонят. Этот шум острой бритвой проходит по моим до звона натянутым нервам. Марьяна облизывает губы и шепчет, отступая:

– Открой. Это, должно быть, доставка. А я… мне… мне нужно одеться.

Глава 3

Демид

Плетусь к двери, не включая в прихожей свет, расплачиваюсь с парнем из доставки и захлопываю ту прежде, чем до него дойдет, кто перед ним находится.

– Пицца?

– Наверное. Давай посмотрим…

Болтовня с Полинкой отвлекает, но не слишком. Я открываю шкафчики, достаю посуду и расставляю на столе. Марьяна шумит в спальне, делая вид, что занята, а на самом деле, мы оба это понимаем, просто тянет резину. В такие моменты мне кажется, что я бьюсь в закрытые двери. И то, что между нами вспыхнуло почти два года назад – мне просто приснилось. Но ведь это было… Было, чтоб его! Было даже после всего. А значит, Марьяна испытывает ко мне еще что-то. Что-то кроме обжигающей душу ненависти. Но… может быть, я слишком долго отсутствовал? Что за мудак ей писал? Какого черта вообще?! Утихнувшая, было, ярость вновь стягивает узлом кишки. Сжимаю в руках столешницу, гася желание здесь все разгромить.

Марьяна появляется в кухне спустя десять минут.

– Может, сварить тебе супчика? – спрашивает дочку, не глядя на меня, и садится на стул в нишу между столом и холодильником.

– Нет, – машет головой Полинка. Впивается острыми зубками в кусок пепперони и слизывает с губ томатный соус. Ну, еще бы. Я бы тоже ни за что не отказался

от пиццы в пользу какой-то лапши. Так я думаю, но вслух ничего не говорю. Не хочу нервировать Марьяну. А вместо этого обхожу ее, намеренно задевая рукой, заглядываю в холодильник и достаю две банки пива. Открываю с легким шипением, протягиваю Марьяне. Она медлит, но все же забирает жестянку из моих рук. Наши пальцы соприкасаются, и я замечаю, как, чуть приподнимая тонкие бесцветные волоски, выступают мурашки на ее коже. Она нервничает, хочет меня или… боится? Наверное, глупо делать вид, что я не заметил пришедшего сообщения. Но еще глупее выяснять отношения при дочке. Я уже в курсе, чем это дерьмо обычно заканчивается. Вместо этого говорю:

– Я хотел забрать Полинку на выходные. Ты как, не против?

Марьяна как раз делает глоток. Мой вопрос заставляет ее закашляться. Она отставляет банку и аккуратно стирает с губ пальцами пиво. А я бы многое отдал, чтобы его слизать. Веки тяжелеют, наливаются будто свинцом. Я хочу её… целовать, любить, трахать.

– Э-э-э… Только если не на эти выходные, – бормочет она и отводит взгляд в сторону.

– А что с ними не так?

– У мамы день рождения. Завтра мы планировали поехать к ней.

– Черт. Я совсем забыл, – веду рукой по макушке и морщусь, задевая шишку.

– Больно? – спрашивает меня и прежде, чем успевает все хорошенько обдумать, осторожно ощупывает гематому. Очевидно, она не зря выбрала свою профессию. Желание помогать людям у нее всегда выходит на первый план. Даже когда дело касается меня.

– Переживу, – в голос проникают хриплые, чувственные нотки. Марьяна так близко, что я едва сдерживаюсь от желания усадить ее себе на колени. Или на стол перед собой. Чтобы, наконец, попробовать основное блюдо.

– Где больно? – приводит меня в чувство голос дочери. Марьяна резко отнимает руку, и я невольно тянусь за ней, как полнейший кретин.

– Вот тут, – встряхиваю головой, возвращаясь в реальность, и показываю пальцем на место ушиба.

– Пацалуй, и все плойдет, – Полинка переводит выжидающий взгляд на мать. Я смеюсь. Марьяна вскидывает ресницы, и меня омывает волной холодной ярости, плещущейся на дне её глаз.

– Мои поцелуйчики лечат только тебя.

– Посиму?

– Потому что, – не находится с ответом Марьяна и, щелкнув Полинку по носу, вновь прячется за банкой Бада.

В дверь звонят. Марьяна вскакивает.

– Кого-то ждешь?

– Что? Нет… Нет, вообще-то.

Не знаю, зачем, но я встаю и иду за ней следом. Чего я боюсь? Увидеть того, кто в телефонной книге Марьяны записан как Димка? Интересно, она ему ответила? Или сделает это, когда помеха в виде меня исчезнет? Скулы сводит, я закрываю глаза и слышу противный, слишком высокий голос.

– Привет! Я уж думала, вас еще нет! Все звоню, и звоню… А, Балашов, привет!

– Привет, Настя.

– Не знала, что ты вернулся.

– Как видишь…

Не люблю эту бабу. Несмотря на то, что она лучшая подружка Марьяны. Или как раз поэтому. Не знаю, почему, но я уверен, что эта завистливая сука настраивает мою девочку против меня. И пока ей это с успехом удается. В конце концов – они

дружат с пеленок, а я… зарвавшийся урод с непреодолимой тягой к насилию. Так, кажется, она меня однажды назвала? И знаете, мне нечего на это ответить. Я действительно поступил с Марьяной как последняя мразь. Вот только если бы я, с какого-то перепугу, вдруг переключил свое внимание с неё на Настю, вряд ли бы та вспомнила о том, какой я засранец. В этом я уверен на все сто. Таких баб я на своем веку повидал очень много.

Бросаю на Марьяну последний взгляд и возвращаюсь в кухню. Вечер, который я так хотел провести в кругу семьи, накрылся медным тазом. Настю теперь отсюда пинками не выгонишь. Она же считает, что пришла подружке на выручку. Как бы ни так…

– Доела? – спросил у дочки.

Она кивает, ловко выбирается из своего стульчика и поднимает ручки вверх, требуя взять ее на руки. Делаю вид, что мне тяжело. Пыхчу и тужусь, сокрушаясь о том, что еще немного – и не смогу поднять её вовсе. Полинка смеется, прикрывая ладошкой рот, и мы возвращаемся с ней в детскую. Вечер безнадежно испорчен… Но все равно я рад возможности побыть с дочкой. Я соскучился просто смертельно.

В тот день, когда Полина была зачата, мой другой, не рождённый ребенок, погиб. Может быть, это хоть как-то оправдывает то, что случилось? Иногда я об этом думаю, но гораздо чаще – заталкиваю готовые вырваться на свободу воспоминания обратно. Слишком больно это все. Слишком больно…

Знаете, у меня есть теория о том, что тяжелей всего в этой жизни приходится таким, как я, максималистам. У нас ведь все на разрыв. Эмоции, чувства, страхи… Ты весь – будто оголенный нерв. Если бьешься, то до победного, а если любишь – то погружаешься в это все с головой, ну, а уж если ненавидишь, то все – пиши пропало. И я любил… Сучку, которая совершенно того не стоила. Но это я сейчас понимаю, а тогда… Господи, каким я был придурком! Ничего ведь не замечал. Ни эгоизма, ни поверхностности, ни потребительского к себе отношения. Ники была моделью. Далеко не самой известной, но ужасно амбициозной. Наши отношения позволили ей попасть на первые полосы светской хроники, а вслед за этим – подписать долгожданные контракты с люксовыми брендами. Ну, знаете, Chanel и Balmain, Burberry и GUCCI. Эти контракты для нее были важнее меня, важнее всего… даже нашего с ней ребенка. А я ведь уже мечтал о нем, о большой семье, которой у меня никогда не было. Я так сильно

хотел этого. Я будто горел, пылал изнутри. И когда эта тварь поставила меня перед фактом, что сделала аборт… не знаю, что со мной случилось. Наверное, я просто сошел с ума. До сих пор не понимаю, как ее не убил. Не помню, как вышел на ринг в тот день. Как вырубил рефери за какое-то идиотское замечание, как кинулся в драку, сорвав бой и заработав дисквалификацию. Я все… все похерил. То, к чему шел столько лет. А потом закрылся дома, ужрался, как свинья, и в пьяном кураже потребовал вызвать проституток. Вот за одну из них я Марьяну и принял. Абсолютно невменяемый и ни черта не соображающий. Я не понял даже того, что костюм врача скорой помощи – не бутафорский. А сопротивление бьющейся подо мной женщины – вовсе не часть игры. Я не понял даже этого…

– Папа! – Полинка дергает меня за рукав, возвращая в действительность. Трясу головой, как пес, сбрасывая с себя обрывки воспоминаний. Стираю со лба испарину. Полинка сидит на полу, смотрит на меня моими же глазами и, как мать, кусает пухлую розовую губку. Стараюсь действовать медленно, чтобы не напугать, протягивая руки и осторожно, едва касаясь, обнимаю дочь. Мое сердце истекает кровью любви к ней. Я задыхаюсь от нахлынувших эмоций. Иногда я представляю, что мог не уберечь и её… Вы же понимаете – меньше всего Марьяна хотела рожать от насильника. Чтобы удержать ее от аборта, мне пришлось… мне пришлось нарушить пару-тройку федеральных законов и, наверное, все имеющиеся законы человечности. Но я ни о чем не жалею.

Полинке быстро надоедают мои телячьи нежности, она вертится ужом и, когда по телевизору начинают показывать любимый мультик, окончательно теряет ко мне всякий интерес. Жаль, что не получилось ее забрать. У меня был целый план на эти выходные. Зоопарк, сладкая вата и все такое. Чтобы окончательно не пасть духом, убеждаю себя, что так даже лучше. Я все еще не в форме. Действие таблеток заканчивается, и боль становится слишком сильной. Не думаю, что до завтра это пройдет…

И вроде бы все логично, но настроение окончательно падает. Плетусь в кухню, где засела Марьяна с подружкой. Заметив меня, Марьяна вскидывает брови.

– Я уже поеду.

Ей не удается скрыть облегчения, хотя она очень старается. Почему-то злюсь. Уж не ждут ли они еще кого-то? Закрываю глаза и выдыхаю сквозь стиснутые зубы.

– Окей. Заберешь Полинку на следующие выходные?

Ага. Как же. Думает, я оставлю ее в покое на целую неделю? Как бы ни так.

– Я позвоню, – неопределенно пожимаю плечами. Марьяна щурится – явный признак того, что она раздражена. Ну, так никто ведь и не говорил, что будет легко, так, детка? Поддаюсь какому-то порыву, стремительно наклоняюсь, обхватываю большим и указательным пальцем ее подбородок и целую. С ее губ срывается вздох изумления, я пью его ртом, замирая ненадолго в таком положении.

– Какого черта ты себе позволяешь?! – вопит совсем рядом Настя. Не обращаю на нее никакого внимания, облизываю губы и смотрю только на Марьяну. Она шокирована. Её зрачки расширены, а грудная клетка вздымается ненормально часто. Марьяна может отпираться сколько угодно, но тело её выдает. С Димкой так же?

Не думай об этом! Просто не думай…

Медленно разжимаю пальцы и отступаю на шаг. Она не отводит взгляда, как обычно. Напротив, смотрит на меня, как кролик на удава.

– Пойдем, закроешь дверь.

Марьяна встает. Настя вскакивает за ней следом. Даже смешно. Неужели Марьяна этого не понимает? Хмурюсь, выхожу в коридор, возвращаюсь в детскую, чтобы попрощаться с дочкой. В этот раз Полинка отпускает меня без слез. Я целую ее, вдыхаю знакомый запах и иду обуваться.

Когда Полинка родилась, я купил себе квартиру неподалеку. Дорога домой занимает каких-то десять минут, но за это время действие таблеток окончательно сходит на нет. Самый тяжелый – это второй-третий день после драки. С трудом поднимаюсь к себе, сбрасываю одежду, шипя от боли, и становлюсь под прохладный душ. Легче не становится. Пузырек обезболивающего стоит на полочке возле раковины. Я прохожу мимо, хромаю в спальню, укладываюсь в постель и, как чертов мазохист, позволяю своим воспоминаниям всплыть на поверхность. Добивая…

Она сидит, забившись в угол, как раненый зверь. И глаза у нее такие же раненые, наполненные болью и диким страхом. Мне, наверное, кажется? Трясу головой. Протягиваю ей руку, чтобы помочь подняться, но она лишь сжимается в комок, словно боится, что я её ударю. Ни черта не понимаю. Шлюхи так себя не ведут. Что за игры?

– Ты кто? – вопрос на миллион.

– В-врач. В-врач скорой помощи… Пожалуйста, можно я пойду, а?

Мысли путаются. Голова трещит, как будто в нее вбивают гвозди. Взгляд опускается ниже. Она голая по пояс, но бесформенные серые брюки все еще болтаются на одной ноге.

– Какого черта ты здесь делаешь?

Ее начинает трясти. Она обхватывает себя за плечи и, стуча зубами, бормочет:

– Я приехала на вызов…

Голос ломается, она прячет лицо в ладонях и начинает… не плакать, нет. Скулить. И я понимаю, что прямо сейчас произошло что-то страшное. Непоправимое. Бью себя по лицу. Встаю, пошатываясь. Только сейчас замечаю на своих ногах странные кровавые разводы. Крови совсем чуть-чуть. И это явно не моя кровь. Опускаюсь перед ней на колени, пытаюсь развести бедра, чтобы убедиться, что все в порядке. Но она снова плачет и умоляет ее не трогать. Больше не трогать… И пошатывающие стены моего прежнего мира начинают рушиться мне на голову.

Глава 4

Марьяна

– Это что сейчас было?!

– Что именно?

Мой голос звучит равнодушно. Этот день был слишком тяжелым. На эмоции просто нет сил.

– Он тебя поцеловал! С каких пор ему это позволено?

Мне хочется спросить у Насти, с каких пор я обязана ей об этом отчитываться, но я глотаю готовый сорваться вопрос. Знаю, что Настя хочет мне добра. Знаю… и люблю ее за это. Но порой ее становится слишком много в моей жизни. Она меня словно душит. Вот, как сейчас…

– А что мне нужно было сделать, Насть? Плюнуть отцу моего ребенка в лицо?

– Было бы неплохо! Заслужил, после всего, что сделал!

– Это было тысячу лет назад. И с тех пор он очень старается…

– Старается что?!

– Старается все исправить.

– Интересно, как это можно сделать! – презрительно фыркает Настя, а я встаю и, открыв дверцу холодильника, прячусь за ней от порядком надоевших вопросов подруги. Она такая максималистка! Я же верю, что в жизни полным-полно полутонов.

На полке стоит начатая бутылка Муската. Может быть, Балашов и не пил, но самой мне очень хотелось.

– Вина?

– Не могу. У меня сегодня ночная…

– А я, пожалуй, выпью бокальчик.

Достаю лед, сыплю в стакан и наполняю его до краев.

– Тебе нужно держаться от него подальше.

– Я стараюсь.

– Он опасен. Ты же знаешь, как он опасен!

У Насти будто заело пластинку, а я же, напротив, молчу. Делаю глоток, верчу в руках бокал, заполняя образовавшуюся тишину звуками позвякивающего о хрусталь льда.

Зачем она это каждый раз повторяет? Да, я знаю, как опасен Демид. Как никто в этом чертовом мире знаю… Но еще я знаю, что он может быть совершенно другим. Заботливым, нежным, ласковым… Я знаю, с каким трепетом он может меня касаться. Знаю, как дрожит его мощное сильное тело от едва сдерживаемых эмоций. Знаю, как отчаянно он может любить. И как страшно… ненавидеть. В этом-то вся и проблема. С тех пор, как он перестал быть в моих глазах злом в абсолюте и приобрел черты живого, пусть и не самого хорошего человека, все окончательно перевернулось с ног на голову. Когда я его ненавидела – жить было намного проще.

– Пойду, посмотрю, как там Поля, – говорю вместо оправданий, которые, по всей видимости, Настя хочет услышать. Она фыркает. Встает из-за стола и ставит свою чашку в раковину.

– Я тоже пойду. Мне еще на работу собираться. Как же она меня достала!

Не знаю, что на это ответить. Как и я, Настя с детства мечтала стать врачом. Вот только универ не потянула и поступила в медицинский колледж. Уже год, как мы с ней работаем в одном отделении. И, если честно, я не слишком понимаю, чем её могла эта работа достать.

– Может быть, тебе что-то поменять? – спрашиваю, чтобы не показалось, будто мне все равно на проблемы подруги.

– Что именно? – щурится Настя, натягивая на ноги кроссовки.

– Ну, не знаю. Отделение, там, коллектив. Что-то же тебя не устраивает?

– Я ее в принципе ненавижу. Все эти капельницы, уколы, капризы…

– Это же просто дети. Больные дети, Настя…

– Невоспитанные маленькие чудовища!

Не уверена, что готова это обсуждать. Не хочу разочаровываться.

– Тогда, может, тебе стоит сменить род деятельности?

Несколько секунд она смотрит на меня, не мигая. А потом громко смеется, но её смех не кажется мне веселым.

– Тебе легко рассуждать. У тебя тылы со всех стороны прикрыты. Ладно, пойду я. Завтра заскачу.

Я настолько шокирована ответом подруги, что забываю предупредить о том, что завтра нас не будет дома. Дверь захлопывается, а в моих ушах все еще звенят ее слова. Она действительно это сказала? Невероятно! Настя знает, что я практически не касаюсь алиментов, которые платит Демид. И о том, что я в этой жизни всего добилась сама, она тоже прекрасно знает! Так какого черта? Что это было? О каких тылах речь?

Почему-то злюсь. Но и этот порыв гаснет, когда из комнаты выходит Полинка. Гляжу на часы и понимаю, что её уже пора купать. Полинка, как и я – жаворонок. В девять у неё отбой. Да и я после дежурства, не думаю, что продержусь дольше. Но я ошибаюсь. Когда за окнами гаснет свет – ко мне приходит бессонница. А вместе с ней из темницы души выползают и страшные воспоминания…

В день, который делит мою жизнь на «до» и «после» я тоже дежурю. Из-за разгулявшегося гриппа, врачей катастрофически не хватает, а вызовов столько, что оставшиеся – просто не в силах справиться с нагрузкой. Смены ставят одну за другой – производственная необходимость. И тут уж совсем не до того, чтобы врачи выезжали на вызов по два, как это обычно бывало. Тут хоть бы кто-то один

доехал…

– Марьяна, вызов на Сикорского, Гагарина и Заречный…

– Заречный ведь даже не наш участок! – протестую вяло и неубедительно. Моя смена длится уже двенадцатый час. И на препирательства сил просто не остается. Добить бы как-то свое время и домой. Спа-а-а-ать.

– Во второй дела еще хуже! На вызовы просто некого отправлять. Терапия стонет. В общем, ты поняла.

Вздыхаю и покорно киваю головой. Понятия не имею, откуда в нашем водителе столько энергии. Самой мне уже хочется вздернуться. И горло першит… как бы самой не заболеть!

– Ладно, едем. Быстрей начнем – быстрей закончим.

– Да ты не расстраивайся! На Заречном звезды всякие живут. Вдруг приходишь ты вся такая, а та-а-ам…

Какая такая? С черными от усталости кругами под глазами, растрепанными волосами и в серой не по размеру робе? Смешно. Я и смеюсь. Это уже, наверное, нервное. На Сикорского и Гагарина справляюсь быстро. Ближе к Заречному – засыпаю. Игорь расталкивает меня и машет рукой:

– Тебе туда. Давай, не задерживайся!

Подхватываю тяжелый чемодан, плетусь к подъезду, набираю код домофона и жду – открывать не торопятся. Наконец звонок пикает, я дергаю дверь и с наслаждением вхожу в тепло большой красивой парадной. Подъездом это назвать почему-то не поворачивается язык. Путь мне преграждает охранник.

– Вы куда?

– Скорая. В четыреста шестую.

Это я потом узнала, что в спешке диспетчер попутал номера…

– В пентхаус ведет отдельный лифт. Я провожу.

Так странно. Будто не из моей жизни. Отдельные лифты, пентхаусы… Чувствую себя ужасно неловко и не на месте. Звоню… Он открывает. Бросает короткое:

– Ну, наконец-то, – и практически тут же на меня набрасывается. Первое время я в таком шоке, что просто не могу пошевелиться. Я словно не верю, что такое вообще возможно. Отбиваться начинаю лишь несколько секунд спустя. Но мое сопротивление бессмысленно. Я плачу. Я умоляю. Я кричу, срывая голос, ломаю до мяса ногти… А он просто меня не слышит. Бормочет что-то свое, будто вообще не понимает, что происходит. И это пугает меня больше всего! Осознание того, что мне до него не достучаться. Его глаза – бездонные черные провалы. В них – тьма, в них – конец, в них – моя смерть… Я прошу не делать этого со мной. Я его умоляю. Но он проталкивается внутрь, наверное, даже не замечая, что для меня это все впервые, отступает и снова… и снова. Я бьюсь под ним и хриплю. Я так горько плачу, что, будь он человеком, мои слезы разъели бы его плоть до костей. Но он – не человек. Он – исчадие ада. А я… кто теперь я?

С резким хрипом вскакиваю на постели. Это сон. Всего лишь сон! Мне все снится… Чертов Балашов! Я ведь почти избавилась от кошмаров.

Встаю. Ночная рубашка прилипла к телу. Я мокрая, как мышь, хотя в квартире довольно прохладно. Отопление еще не включили. Стряхиваю слезы, обрывки сна… Поправляю одеяло на Польке. Она из тех, кто проспит даже начало ядерной войны, и это меня безмерно радует. Не хотела бы я, чтобы дочь разбудили мои крики.

Первым делом, когда все заканчивается, Балашов интересуется, кто я вообще такая. Ну, как заканчивается? Он просто кончает и скатывается в сторону. А мой ужас не имеет конца.

– В-врач. В-врач скорой помощи… Пожалуйста, можно я пойду, а? – пищу, не в силах остановить слезы. Я готова пресмыкаться, готова снова его умолять… я на все, что угодно, готова, лишь бы только он меня отпустил. От моего достоинства ничего не осталось. А я… я еще есть? Осматриваю себя, в глупом желании убедиться, что от меня прежней еще хоть что-то осталось. Но вижу лишь голые ноги с липкими разводами спермы и крови на бедрах. Мне так стыдно… Я всхлипываю, хватаюсь за штаны, болтающиеся на одной ноге, и судорожно

дергаясь, пытаюсь просунуть в них другую ногу. Безрезультатно.

– Какого черта ты здесь делаешь?

Не знаю! Не знаю… Я не могу даже вспомнить, как здесь очутилась! Меня начинает трясти. Я обхватываю себя за плечи, концентрируюсь из последних сил, опасаясь его разозлить.

– Я приехала на вызов…

Мой голос как будто чужой. Он не слушается меня и ломается. Я начинаю плакать и не замечаю, в какой момент взгляд сидящего напротив мужчины становится осмысленным. Он тянется ко мне, касается своими руками, и у меня начинается самая настоящая истерика.

– Тише-тише… Я не сделаю тебе больно!

Не верю… Я не верю ему. Потому что он уже сделал.

– Пожалуйста, можно мне просто уйти? – повторяю, как в бреду, одно и то же.

Зачем? Зачем я это все вспоминаю? Прокручиваю в голове вновь и вновь? Почему не могу забыть этого? Почему моя память такая сука?! Захожу в ванную и умываюсь холодной водой. Иду в кухню сварить кофе. Шесть часов – я думала, раньше. Наверное, все дело в наползающих тучах. Погода под стать моему настроению. А ведь мы думали сесть в саду… Вот тебе и обещанное бабье лето. Верь после этого в прогнозы.

Кофе шипит, снимаю турку с огня и сажусь на подоконник. В коридоре слышу шлепки босых ног. Вот и моя ранняя пташка… Полинка заходит в кухню, волоча за собой потрёпанного жизнью зайца, и зевает во весь свой маленький рот. Когда-то я была уверена, что ни за что в жизни не смогу ее полюбить. Вот не смогу – и все. Хоть режьте. Сейчас те страхи кажутся такими бредовыми! И как же страшно, что, поддавшись им, я могла никогда не увидеть Полинку. Как же чертовски страшно…

Сползаю с подоконника, отставляю чашку, опускаюсь перед дочерью на колени и прижимаю ее хрупкое тельце к себе. Меня переполняет любовь гигантских, вселенских масштабов. Она рвется у меня из груди. Мне хочется плакать, но вместо этого я смеюсь, когда Полинка деловито замечает:

– Вообще-то мне пола на голшок.

– Ну, пойдем, раз пора. Почему сама не сходила?

Пожимает плечами, берет меня за руку, и вместе мы идем «на горшок». Потом умываемся, чистим зубы и едим обязательную кашу на завтрак. Мы почти готовы к выезду, когда в дверь стучат. Я хмурюсь и иду открывать. На пороге стоит Балашов, сжимая в охапке рыжие герберы.

– Это тебе, – говорит он и переступает порог, будто я его приглашала. Меня обдает волной тепла и терпким ароматом его тела.

– День рождения вообще-то у мамы, – агрюсь я и отступаю чуть в сторону. На звук отцовского голоса из кухни выглядывает Полинка.

– Я знаю. Цветы для нее в машине, – отвечает Балашов равнодушно и раскрывает объятья для нашей дочки, которая без всяких сомнений влетает в них уже секунду спустя. Почему-то становится душно. В голове пульсирует.

– Поля, собирайся, сейчас я вызову такси и…

– Я отвезу вас.

– Ура! – хлопает в ладоши Полинка, а я… я с таким трудом сдерживаюсь, чтобы не пнуть Демида изо всех сил.

– Разве я просила тебя об этом? – цежу сквозь стиснутые зубы.

– А меня не надо просить, Марьяна. В конце концов, нам по пути. Меня Лена тоже пригласила.

Наши взгляды скрещиваются над головой дочки. Ненавижу его! Ненавижу… За то, что он со мной сделал, за то, что ему все сошло с рук… И особенно за то, что он втерся в доверие к моей матери. Единственному родному мне человеку! Единственному, кому я не могла рассказать о том, как он со мной поступил. И ради которого вообще это все замяла, позволив Балашову остаться безнаказанным.

Лена его пригласила… Лена! Наверное, глупо было бы ожидать, что Демид стал бы называть мою мать по имени отчеству. Ведь она была старше его самого всего-навсего на девять лет. Но почему-то это «Лена» в исполнении Балашова убивает меня особенно.

– Марьян, ну, что ты капризничаешь? Ей будет приятно, если мы приедем вместе. Ты же знаешь!

Знаю! От этого и бешусь. А вот если бы моя мать знала правду, то… возможно бы, сейчас не жила – слишком слабое сердце.

– Какой же ты беспринципный… засранец! – шепчу одними губами. Он понимает. Философски пожимает плечами, опускает Полинку на пол, чтобы надеть ей куртку, и просто сбивает меня с ног, когда говорит:

– Ну, что поделать? Ты пока не позволяешь мне быть другим.

Глава 5

Марьяна

От дома до небольшого загородного поселка, в котором теперь стараниями Балашова живет моя мать – каких-то сорок минут езды. Не так много, но за это время успевает распогодиться. Прячу глаза за солнцезащитными очками и пялюсь в окно, будто в первый раз вижу проплывающие мимо пейзажи. Изредка оборачиваюсь к Полинке, но она сладко спит, и ее присутствие никак не спасает от тягостного молчания, повисшего между нами с Демидом.

«Ты пока не позволяешь мне быть другим» – так, кажется, он сказал?

А если бы я позволила?

Кусаю губы и тайком кошусь на Балашова. Он принарядился по случаю праздника, и если бы не побитое лицо – выглядел бы просто шикарно. Хотя кого я обманываю, ну, правда? Он и сейчас горяч, как сам ад. Синяки и шрамы лишь добавляют его образу брутальности. Делают его опасным. И еще более желанным для тысяч женщин по всему миру. В нем они видят защитника, воина, победителя… А я? Что вижу я? Только ли насильника? Нет… В этом вся и проблема. Мои чувства к нему такие разные, что это сбивает с толку.

– Веденеевы поменяли машину?

Демид оборачивается и ловит меня за подглядыванием. Я опускаю взгляд, чувствуя, как жаркий румянец досады разливается по моим щекам.

– Что? – переспрашиваю глупо.

– Говорю, машина незнакомая у ворот. Веденеевы поменяли?

Гляжу в окно. И впрямь. Возле ворот припаркован новенький Ниссан. Дядя Коля Веденеев – старый друг моего отца. А еще мой крестный. С тех пор, как папы не стало, они с женой взяли над нами с матерью шефство. Ни один праздник не обходится без них. Мы вообще довольно тесно общаемся, но о покупке машины лично я ничего не знаю. Поэтому равнодушно пожимаю плечами и открываю дверь.

Пока Балашов будит Полинку, навстречу нам за калитку выходит мать. Я обнимаю, целую её и скороговоркой выпаливаю положенные случаю поздравления. И как-то не сразу замечаю, что мать непривычно взволнована.

– Что-то случилось? – спрашиваю настороженно.

– Нет-нет, что может случиться? – отводит глаза та и переключается на Полинку, сидящую на руках у Демида. – Это кто такой красивый приехал к бабушке? Неужели мой сладкий Кексик?

Неужели показалось? Я почти расслабляюсь, когда замечаю незнакомого мужчину во дворе. Он возится с мангалом, отсюда я вижу лишь его крепкую фигуру и профиль. Не знаю, что чувствую. Это все очень неожиданно. Оборачиваюсь к матери:

– Это кто?

Мама вспыхивает и, будто в поисках поддержки, бросает короткий взгляд на Балашова. А у меня снова начинает дергаться веко. Неужели она и впрямь считает, что Демид её поймет, а я нет? Сколько раз я говорила матери о том, что ей рано ставить крест на собственной жизни! Сколько раз. Так почему же теперь она думает, будто я её не пойму?

– Это Сергей Михайлович. У него здесь тоже дача… мы вроде как познакомились, ну и…

Улыбаюсь. Мама смущается, как девчонка. А я радуюсь. И немного завидую.

– Мам, ну, ты чего? Я ведь не маленькая и все понимаю.

– И не злишься на меня?

– Не злюсь. Ты лучше скажи, у вас как? Серьезно это все или…

– Серьезно, – мама обхватывает горящие щеки, смеется испуганно, и я замечаю красивое обручальное кольцо на ее пальце. Вот же черт! На языке вертятся миллионы вопросов. Например, хорошо ли она его знает, и уверена ли в том, что делает. Нет, я, конечно, рада за нее, но куда спешить? Не понимаю. Может быть, во мне говорит эгоизм? Раньше мама принадлежала всецело мне и Поленке, а теперь нам придется потесниться ради совершенно незнакомого постороннего мужика.

Не знаю, что сказать. Поэтому просто бормочу банальные поздравления и осторожно сжимаю в руках. Моя мама такая хрупкая, как драгоценная фарфоровая статуэтка. Что, если её обидят? Тревога сжимает сердце.

– Ну, что мы здесь стоим? Пойдем в дом! Я уже все приготовила.

– И толт?

– И торт, конечно! Все для моих любимых сладкоежек.

– Не надо было, мам. Опять у плиты два дня стояла?

– Мне Сережа помогал…

Идем по дорожке и болтаем, я стараюсь не пялиться на маминого ухажёра, но любопытство берет свое, когда мы подходим ближе. Я встречаюсь с взглядом с мужчиной и тут же отшатываюсь в сторону. К горлу подкатывает огромный ком, я пытаюсь сглотнуть его и не могу. Он меня душит.

– Извините, я сейчас…

Бреду мимо дома, огибаю сад, между клумб с георгинами и пушистыми астрами. Мне нужно побыть одной. Мне очень и очень нужно. Легкие жжет, я почти теряю сознание. Останавливаюсь у старой ивы, обхватываю ствол рукой и, склонившись к коленям, делаю рваный вдох.

– Эй, какого черта? Ты как?

Демид подхватывает меня у самой земли, заставляет подняться. Прислоняет к дереву и тревожно вглядывается в глаза. И я понимаю, что он вообще не в курсе того, что происходило. Смешно! Но он даже не в курсе… О какой справедливости может идти речь, если следователю, которому было поручено мое дело, даже не удалось пробиться через юристов, промоутеров и прочих членов команды Балашова, чтобы допросить его самого? Ведь не удалось же! Если Демид этого самого следователя не узнал… О какой справедливости, господи?

– Отпусти меня.

– Не могу. Пока ты не объяснишь, что случилось.

Демид ласков. Он гладит меня по волосам и смотрит так, будто то, что со мной происходит, действительно имеет значение. Для него…

– Ты же ничего не знаешь? Следователи… они к тебе даже не приходили?

Балашов отворачивается. Гладит шрам на брови большим пальцем и пожимает широкими, обтянутыми фисташкового цвета рубашкой плечами:

– Этими вопросами занимались мои юристы.

– Так я и думала…

Ну, ведь, правда. Ничего нового я не узнала, но почему-то тошно. И я хочу, чтобы больно было не только мне одной. Я хочу очередной сатисфакции.

– Этот мамин… В общем, он был следователем по моему делу. Я когда в полицию обратилась, меня к нему направили. А теперь вот… Ну, не смешно ли?

Лицо Демида темнеет. Я вижу, как дергается тонкая голубая жилка на его виске, как поджимаются губы. А потом память меня уносит. Уносит в который раз…

Не помню, как добираюсь до скорой. Зубы стучат. Тело ломит.

– Быстро ты, молодец! – радуется Игорек, заводит мотор и выруливает с парковки. А я не понимаю… я просто не понимаю, как он вообще меня узнал? Мне кажется, сейчас я совсем другая. Уродливая, грязная, почти неживая.

– Меня изнасиловали…

Игорь замолкает. Оборачивается ко мне, открыв рот.

– Меня только что изнасиловали, – зачем-то повторяю снова, будто пробую эти слова на вкус. Водитель все так же молчит. А мне нужно, чтобы кто-то сказал, как мне теперь жить дальше. Что делать? Куда идти? Пауза затягивается, но в какой-то момент Игорь все же собирается с силами.

– Так мне тебя куда теперь? На освидетельствование? Или домой? Ты определяйся, мне машину еще в гараж возвращать.

Смеюсь. Не знаю, почему. Но смешно ведь. На что я надеялась? Что сейчас посторонний мужик с шашкой наперевес побежит защищать мою честь, ну, не глупо? И это ведь он еще даже не знает, что меня изнасиловал именитый боксер. Смеюсь еще громче.

– Домой, Игорь Викторович… До-мой.

Я врач скорой помощи – я знаю, что надо делать. И про освидетельствование знаю, и про необходимость профилактики ЗПП. Но у меня действительно просто нет сил. Злость и жажда возмездия приходят ко мне лишь утром. Я иду в полицию и под насмешливыми взглядами ментов из дежурной части дрожащей рукой пишу заявление. Если существует что-то более унизительное самого изнасилования, то это необходимость доказывать его факт в таком месте, как это. После кажется, что тебя изнасиловали еще раз.

Наконец, целую вечность спустя, меня провожают к следователю. Сергей Михайлович Воронов не язвит, не сыплет сальными шуточками, но я вижу – он мне тоже не верит. А через три недели я узнаю, что мое дело закрыто. За отсутствием события преступления. Эта формулировка, кажется, въелась в мой мозг навсегда. Как и лицо следователя.

Вываливаю это все на Балашова – жри, не подавись, мой хороший. И пока он силится справиться с тем, что узнал, я, запрокинув голову, провожаю взглядом летящих по небу птиц. Почему я раньше этого ему не рассказала?

В какой-то момент Демид подходит ко мне вплотную. Обхватывает затылок ладонью, осторожно ведет по шее большим пальцем… Прижимается лбом к моему виску и шепчет мне прямо в ухо:

– Ты же знаешь, что, если бы мог, я бы все изменил, правда? Скажи, что ты это знаешь…

Я молчу и упрямо смотрю на птиц. И мои глаза слезятся от этого!

– Но ведь ты не можешь этого изменить… – шепчу спустя целую вечность.

– Не могу. – Он ведет носом по шее, и тысячи мурашек разбегаются, кто куда, по моей коже. – Но я могу заменить их другими.

Всхлипываю. Телом проносится дрожь. Меня бросает то в жар, то в холод. Ненавижу его! И хочу… Чертова амбивалентность во всех ее трех типах одновременно.

Теплые губы касаются основания шеи. Я слышу, как его сердце колотится рядом с моим. Я знаю, что для него это все серьезно… Но я не уверена, что могу простить. Я совсем не уверена… А между тем он поднимается выше и выше, наклоняет мою голову и мягко, неторопливо, со вкусом впивается в мой рот. Я должна оттолкнуть его. Я должна… Но вместо этого мои пальцы сжимаются на его рубашке и притягивают Балашова еще ближе. Он тихонько рычит. Подталкивает меня к дереву, просовывает ногу между моих ног и отпускает себя. Кажется, он везде… В каждом миллиметре пространства. Все оно – это он. Его губы, руки и хриплый шепот, которым Демид меня околдовывает.

В себя приводит лишь отрывистый звук клаксона. Я отшатываюсь от Балашова, касаюсь рукой губ. В попытке стереть его поцелуй? Или… Вскидываю взгляд. Он совершенно невменяем. Как тогда, в квартире. И головой трясет, как тогда. Я сглатываю, отворачиваюсь. Скольжу вниз по тяжело вздымающейся груди, задерживаю взгляд на бугре, натянувшем брюки…

– Извините, Лена попросила сказать, что гости в сборе, – звучит за спиной отрывистый голос. Я каменею, не решаясь обернуться. Понятия не имею, как объяснить матери, почему ей не следует быть с этим мужчиной. Но я что-нибудь придумаю.

– Мы сейчас подойдем.

– Отлично, Марьяна, я…

– Думаю, нам не о чем говорить. Вы, главное, матери ни о чем не проболтайтесь. У нее с сердцем плохо. Я из-за нее тогда не стала поднимать шум, а не потому, что вы закрыли дело.

– Понимаю. Только и вы поймите… Освидетельствования не было. Ваши слова – против слов Демида. У меня не было причин верить именно вам.

– А ему, значит, были?

Не выдерживаю. Оборачиваюсь. Бросаю на следователя испепеляющий взгляд.

– Знаменитые люди зачастую становятся жертвами провокаций, – пожимает плечами Воронов. – А у вас даже свидетелей не было. Водитель скорой, и тот…

– Да его же просто купили! – закричала я и бросила злой взгляд на Демида.

– Тогда я этого не знал.

– А если бы знали?! Что бы изменилось? Хотите сказать, что отправили бы на нары гордость нации?

Не знаю… Меня несет. А вот Сергей Михайлович остается спокойным. Он переступает с ноги на ногу, косится на Балашова и без всякого заискивания перед ним отвечает:

– Не факт, что отправил бы. Но попробовал бы точно…

Его ответ такой неожиданный, что все другие слова замирают в моем горле. Я стою перед этим мужчиной, как боксер, проигравший бой, и не знаю… просто не знаю, что делать дальше.

– Держитесь подальше от моей матери! – наконец выдаю я и, натянув на лицо улыбку, шагаю навстречу подоспевшим Веденеевым.

– Ну, вот вы где! А мы вас повсюду ищем, – улыбается дядя Коля, обнимает меня и, как в детстве, зажимает нос между указательным и средним пальцами. – Вышли посмотреть, как буржуи строятся? О, Демид, привет! А это…

– Сергей. Будущий муж Леночки. Приятно познакомиться.

Жмурюсь и считаю про себя до десяти. Моя жизнь – какой-то гребаный День сурка. Ненавижу!

Глава 6

Демид

Я люблю здесь бывать. В кругу этих простых преданных друг другу людей. Так я чувствую себя частью чего-то целого. Частью большой и дружной семьи… И мне это нравится. Нравится, как я себя ощущаю рядом с ними. Я словно становлюсь лучше, чем когда-либо был. Ярость, живущая во мне, утихает. Демоны, пожирающие меня изнутри, смиренно опускают головы. И на меня снисходит покой. Я почти счастлив. Мое счастье пахнет пирогами, расставленными в вазах хризантемами и дымком из камина, который Лена предложила зажечь, когда похолодало.

Перевожу взгляд на Марьяну. Она стоит у окна, обняв себя за плечи руками, хотя в доме уже тепло. Языки пламени, отражаясь в заплаканных стеклах, лижут березовое полено. Звенит хрусталь и раскатистый смех, а все же начавшийся дождь настойчиво и мерно барабанит в окно. Подхожу и становлюсь рядом. Знаю, что не имею на это права, но если бы я оглядывался на мораль, проиграл бы гораздо раньше.

– Все же дождь…

Ага. Замечание на миллион долларов. Чувствую себя дурак дураком. Марьяна оборачивается, и в ее глазах я читаю то же самое. Она долго молчит, не слишком обрадовавшись, что я нарушил ее покой, но потом все же замечает:

– Интересно, когда закончится эта стройка, – короткий кивок головы указывает на соседский дом, внутри которого, несмотря на выходной день и непогоду – кипит работа. Я думаю всего секунду, прежде чем выложить на стол карты. В конце концов, я давно ищу повод сделать это.

– К Новому году обещают закончить.

Она снова оборачивается. Задерживает на мне взгляд и недоверчиво качает головой:

– Я должна была догадаться… Зачем тебе это?

– Зачем мне дом?

– Зачем тебе дом рядом с домом моей матери?

– Здесь отличное место. А я давно мечтаю вот, чтобы так, с нуля, под себя все сделать. Там и для Полинки комната есть. Хочешь посмотреть?

Вижу, что любопытство борется в Марьяне с нежеланием остаться со мной наедине. Улыбаюсь и подталкиваю её к выходу.

– Пойдем, я не кусаюсь.

– Эй, вы куда? Дождь ведь, – идет за нами следом Лена.

– Покажу Марьяне дом.

– А… – виновато улыбается та дочке. – Наконец рассказал ей?

– Ты знала? – удивленно расширяет глаза Марьяна.

– Знала, конечно. Но Демид готовил тебе сюрприз, и я помалкивала. Вот, возьмите зонт!

– Поверить не могу!

Забираю из рук будущей тещи зонтик, снимаю с вешалки дождевик, и пока Марьяна не наговорила матери лишнего, надеваю его на плечи.

– Пойдем. Пока дождь немного утих.

– Я хотю с вами!

– Нет-нет, Полин, там дождик. Побудь с бабушкой, хорошо?

– Я лучше с дедом Силожей… – Полинка, не слишком расстроившись, что мы ее с собой не взяли, несется к Воронову и забирается к нему на колени. Их взгляды с Марьяной скрещиваются, и я вижу, как плотно сжимаются ее челюсти. Ей явно нужно остыть. Переключиться. Натягиваю на голову капюшон и открываю дверь.

– Похоже, мамин жених понравился нашей Полинке.

Из-за шума дождя говорить приходится чуть громче, чем обычно.

– У нее вообще так себе вкус на мужчин.

Улыбаюсь, понимая, на кого намекает Марьяна, хотя ничего смешного здесь нет. Но если ко всему относиться серьезно – далеко мы не уедем. В нашей с ней ситуации главное – не накалять. Что я и делаю. По крайней мере, пытаюсь.

– Не слишком ли большой дом для тебя одного?

– Я не теряю надежды, что у меня здесь будет компания, – рублю правду и осторожно касаюсь пальцами ее губ. Резким движением головы Марьяна сбрасывает мою руку.

– Уверена, что очередь из на все готовых красоток, протянется аж до конца улицы.

– Мелко берешь, – зло бросаю я, прежде чем успеваю остановиться. Дерьмо! И знаю ведь, что с ней так нельзя, но иногда срываюсь. Берет верх бешеный темперамент, который рядом с Марьяной мне то и дело приходится сдерживать. Чтобы, не дай бог, ее не напугать. Но сегодня, кажется, я бессилен. Матерюсь. Резкими дергаными движениями складываю зонт и скидываю капюшон. Напряжение, повисшее между нами, такое плотное, что его можно резать ножом. Вдруг дверь на веранду открывается.

– Какие люди, и без охраны! – радуется моему появлению прораб. – Ну, Демид, ну, молодец… Мы с ребятами смотрели бой. Чуть вся работа не встала…

– В доме? – спрашиваю, протягивая ладонь.

– Во всей округе! – ухмыляется тот и трясет мою ладонь двумя руками сразу. – Сумасшествие какое-то было.

Мне кажется, или Марьяна фыркнула? Вот, кого уж точно не впечатляют мои спортивные достижения – так это её. Впрочем, неудивительно. Я знаю, как сильно её сломал. Потому что после случившегося был рядом с ней. Потому что именно я вытирал ее слезы и разгонял кошмары. С того самого момента, как на стол передо мной легла папка с информацией о Марьяне, и я узнал, где мне её найти.

– Мы с Марьяной хотели посмотреть, как движутся работы, – прерываю нескончаемый поток восторженных слов и киваю на дом. Игорь переводит взгляд на мою спутницу, только сейчас ее замечая. Трясет уже ее руку и проворным жестом фокусника распахивает перед нами входную дверь.

Прежде чем войти, Марьяна неуверенно оглядывается на меня. Она до сих пор боится, что я на неё наброшусь. Точно так же она на меня смотрела и тогда, когда я впервые появился на пороге ее квартиры после того случая. Я вхожу в свой новый дом, но как будто снова возвращаюсь на четыре года назад… Моя память – беспощадная сука.

Я чудом успеваю подставить ногу и помешать ей захлопнуть дверь прямо перед моим носом.

– Постой, Марьян, я тебя не обижу…

– Что тебе надо? – спрашивает она и смотрит на меня бездонными больными глазами.

– Я хотел извиниться.

– Хорошо. А теперь уходи.

– Не могу, – качаю головой. – Я должен убедиться, что с тобой все в порядке.

– В порядке? – как попугай переспрашивает она и вдруг начинает смеяться. Я шагаю в квартиру, и она шарахается от меня, как от прокаженного. Смех

обрывается, но еще звенит под потолком, когда она кричит: – Уходи! Немедленно! Убирайся…

– Послушай, в тот день я просто слетел с катушек. Мне очень жаль, что все так вышло. Мне очень жаль, слышишь? Скажи, что я могу сделать, чтобы загладить вину? Хочешь куда-то поехать, чтобы развеяться, я не знаю… в Монте-Карло или Дубай? Или, может быть, тебе нужен психолог? Я найду! Самого лучшего найду, хочешь? – я мечусь по ее прихожей и этим только еще больше её пугаю. Замираю, довольно поздно осознав этот факт, и распрямляю руки по швам – ну, вылитый пай-мальчик.

– Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Хочу забыть тебя, как страшный сон. Вот и все, чего я хочу.

Не знаю, как мне поступить. Мне от самого себя тошно. Взгляд упирается в зеркало, я ловлю собственное отражение, а как будто вижу отца. Морального урода, который превратил мое детство в ад. Я так старался доказать себе, что другой. Так старался! И вот, куда меня это привело. Закрываю глаза. Отступаю на шаг. Облегчение проносится по ее лицу, которое я только сейчас действительно вижу. Она совсем молоденькая. Маленькая и хрупкая. Я не хочу на нее давить, но мне действительно нужно знать.

– Ты была у врача? Я что-то повредил… или…

Она отчаянно трясет головой. Часто-часто моргает, но все равно не может остановить слезы. И вроде бы они текут по её щекам, а такое чувство, что кислотой по моему сердцу.

– Все нормально. Пожалуйста, уходи… – всхлипывает и делает еще один шаг назад.

– Но у тебя была кровь, и… Просто скажи, что это было! – я ору. Не имею на это права, но все равно ору. Мне нужно знать, что с ней все хорошо. Мне нужно, мать его, знать! Чтобы самому дышать дальше.

– Я была девственницей! Девственницей, чтоб тебя! А теперь убирайся отсюда! Немедленно!

Шаркая ногами, бреду к выходу. Я и сам не могу больше здесь оставаться. Стены тесной прихожей давят на меня со всех сторон. Вываливаюсь на лестничную клетку, и меня выворачивает наизнанку. Дожился. Меня тошнит от самого себя.

Где-то совсем рядом начинает жужжать инструмент. Трясу головой, возвращаясь в реальность. Игорь оседлал своего любимого конька и рассказывает Марьяне о доме. Она слушает его вполуха и озирается по сторонам.

– В данном контексте наружная и внутренняя отделка – понятия неразделимые. Благодаря большому количества стекла, будущие интерьеры станут словно продолжением фасада, и наоборот.

– Очень интересная задумка.

– Вы правы! Но заказчик знал, чего хотел. С такими, как Демид, приятно иметь дело.

Бровь Марьяны скептически ползет вверх, но она никак не комментирует слова прораба и, неторопливо оглядываясь по сторонам, идет вслед за ним.

– Осторожно! Здесь не споткнитесь. Мы как раз работаем над проводкой…

– Угу…

– Как видите, используемые в отделке материалы довольно интересны сами по себе… Тут вы можете наблюдать фактурный ригельный кирпич ручной формовки. Разные оттенки он приобретает за счет неравномерного обжига.

– Красиво… – соглашается Марьяна, но внимание Игоря отвлекают работающие в доме электрики и ее слова повисают в воздухе, когда он извиняется и уходит посмотреть, что случилось.

– Пойдем на второй этаж. Там уже почти все готово. Покажу тебе Полинкину комнату. Может, ты захочешь добавить в интерьер какие-нибудь детали.

– Зачем? Разве ты не сделал этот дом точной копией дома моей мечты?

Марьяна оборачивается. Я вижу шторм в её глазах. Вижу смятение. Пожимаю плечами, старательно игнорируя вновь вырвавшуюся из-под контроля обезболивающих боль. Мне хватило ночных мучений, и утром я трусливо закинулся парой таблеток, чтобы выдержать этот день.

– Я готов предложить тебе все, что угодно, Марьяна. Но ты же каждый раз выбираешь не меня. Правда? – спрашиваю устало, и чтобы сменить опостылевшую тему, продолжаю: – Пойдем. Дверь в детскую – вторая направо.

Зачем я это говорю, если все равно иду первым? Толкаю дверь, щелкаю выключателем и отхожу в сторону.

– Ну, как?

Я довольно отчетливо помню фото с той глупой доски визуализации, которую по совету психолога Марьяна сделала, в попытке справиться с депрессией. И надеюсь, что поступил правильно. Может, конечно, стоило дождаться завершения работ, но… Ладно, что уж об этом думать.

Оборачиваюсь. Марьяна так и стоит в дерном проеме, будто не решаясь войти.

– Марьян? Тебе не нравится? Мы можем все переделать, ты только скажи. Надо было розовым все здесь выкрасить, да? Я же говорил! Говорил дизайнеру, а она пристала ко мне с этим «модным сливочным», выдержанным в общей стилистике дома…

– Нет-нет, что ты… Мне нравится.

– Правда?

– Да. Это великолепно. Господи, какой же ты показушник, Балашов…

На последнем слове Марьяна всхлипывает, но тут же испуганно прикрывает ладонью рот. Она такая растерянная. Но такая сильная… А мне хочется крикнуть: пожалуйста, будь слабее. Знаете, как в том стихотворении у Рождественского? Один в один. Мне с ней, такой уверенной, трудно очень. И с ненавидящей… такой.

– Все для тебя, детка. Все для те… – сиплю от переполняющих душу эмоций, но даже не успеваю договорить. Потому что она затыкает мой рот поцелуем. Жарким, нет… горячим, как ад. Вот еще стоит у порога, а секунду спустя – висит на мне. Прихватываю ее губы в ответ и врываюсь в ее рот языком. Поверить не могу, что Марьяна сама меня целует. Просто не могу в это поверить! Она вкусная. Она – самая лучшая и желанная. Мне всегда ее мало. И никогда не будет достаточно. Как последний наркоман, тянусь за новой и новой дозой. Она – мой дилер удовольствия. Она – мое все. Толкаю ее вперед, зажимаю между стеной и собственным телом. Рычу, ощущая ее так близко. Сгребаю волосы в жменю, оттягиваю вниз, запрокидывая лицо. Царапаю зубами кожу на горле, бью языком по трепещущей на шее жилке. Член стоит так, что становится больно. Брюки вот-вот лопнут по швам. Понимаю, что нужно притормозить. Что могу напугать ее таким напором. Но просто нет сил. Это самое лучшее из того, что случалось со мной за долгое время. Я столько ждал ее, что просто не могу поверить в то, что она моя…

– Демид… – шепчет Марьяна. Скольжу вниз по ее ногам, поднимаю юбку. Меня колотит. Касаюсь лбом ее плеча. Со свистом втягиваю воздух и осторожно, по миллиметру, продвигаюсь вверх по бедру. Свет в комнате гаснет в момент, когда мои пальцы достигают кромки чулка. И мои сомнения гаснут тоже.

Глава 7

Марьяна

В ординаторской тихо. Дело идет к вечеру, и работы не то, чтобы много. Сегодня спокойное дежурство, но все может измениться в любой момент. Если кто-то поступит по скорой или сам обратится в приемный покой с ребенком. Это случается довольно часто, собственно, поэтому мы и здесь.

– Марьяш, тебе кофе сварить?

Поднимаю голову и растерянно улыбаюсь Димке. Ему хорошо за тридцать, и по большому счету никакой он не Димка. Но из-за довольно мальчишеской смазливой внешности никто его иначе не называет. Санитарки с медсестрами и

те Димкают за глаза. Он это знает и не обижается.

– В своей чудо-кофеварке?

– Угу.

– Вари. У тебя самый вкусный кофе во всем отделении. И даже вкуснее, чем в автомате на втором этаже.

– Вот так комплимент!

Улыбаюсь и тяну руку к зазвонившему телефону. Прекрасно. Фейстайм вызов от Балашова. Вот и как мне на него смотреть, после всего?

Бросаю беглый взгляд в зеркало, приглаживаю волосы и встаю из-за стола. Не хочу, чтобы у этого разговора были свидетели. Принимаю вызов и выхожу в коридор. На экране появляется счастливое лицо Полинки на фоне рельефной мужской груди. Сглатываю собравшуюся во рту слюну и натянуто улыбаюсь дочери.

– Привет. А я все думаю, что ты мне не звонишь?

– Мы с папой были в зоопалке.

– Серьезно? И тебе понравилось?

– Осинь. Сейтяс показу, какой он купил мне шалик…

Полинка слезает с отцовских колен и уносится в неизвестном направлении. Демид поднимает телефон выше. Теперь я вижу его мощную шею, квадратный подбородок с уже начавшим желтеть фингалом и смеющиеся глаза.

– Особенно Полинку впечатлил размер детородного органа жирафа.

– Ты шутишь? – щурюсь я.

– Если бы. Заходим в павильон, а он как на ладони за стеклом. И тут Полинка как заорет: «Папа, смотли, какой у него огромный писю-ю-юн!» Я оценил. Как и еще человек двадцать посетителей.

Балашов откидывает голову и смеется. Ведет рукой по лбу. Я вспоминаю, что эти руки делали со мной еще совсем недавно, и не могу выдавить из себя ни звука, чтобы поддержать его смех. Просто тупо на него пялюсь, как последняя идиотка. Демид тоже замолкает. Переводит на меня взгляд, и я вижу, как в его глазах гаснет смех, и появляется со-о-овсем другое. Отчего я перестаю дышать.

– Вот, смотли! Плавда класивый?

Полька возвращается, прыгает отцу на руки, и тот неожиданно ухает. Только сейчас я понимаю, как ему должно быть больно, после боя. Гашу в себе неуместную жалость. Шарик, кстати, я не вижу, лишь яркую розовую ленту, к которой он, по всей видимости, крепится, но послушно киваю головой:

– Красивый. Ты не голодная?

– Нет, Ася свалила мне макалоны с сылом.

Сердце обрывается и летит в какую-то пропасть. Кровь стынет в жилах, и я понятия не имею, о чем дальше говорить. Какая Ася? Какая, мать его, Ася? После того, что было вчера? У меня начинает дергаться веко. Чешу глаз, в попытке остановить тик. Рядом с Балашовым я каждый раз превращаюсь в истеричку. Он влияет на меня пагубно. Мягко говоря…

– Марьяш…

– Что? – цежу сквозь стиснутые зубы.

– Ася – это Ася Петровна. Домработница, которую мне прислали из агентства по найму, – мягко уточняет Демид. Его глаза такие понимающие! Делаю вид, что мне все равно, хотя от облегчения хочется разреветься. А еще… еще пнуть себя за то, что опять поддалась его обаянию. Ненавижу себя за это. Понимаете? Наверное, у меня запоздалый стокгольмский синдром. И чертова амбивалентность. Всего каких-то пять минут разговора с ним, и у меня парочка

диагнозов в анамнезе. Это все, что нужно знать о наших отношениях с Балашовым. Это… все… что… о… них… нужно… знать! Дерьмо…

– Какие у тебя планы на завтра? – спрашивает Демид, когда пауза в нашем разговоре затягивается.

– Отоспаться.

– Тяжелое дежурство?

– Нормальное.

Сейчас я неоправданно груба, но терпеть его заботу нет сил. Мне так хочется в нее окунуться, что это даже ненормально как-то.

– Ладно, – на секунду мне кажется, что Демид теряется. – Отсыпайся. Я тогда Полинку завтра вечером привезу, да?

– Угу. Если она не заскучает раньше.

– Марьян, кофе готов. Ты идешь? – выглядывает из ординаторской Димка. Киваю ему, понимая, что Демид все видит и слышит. И мотает на ус…

– Иду. Полинка, солнышко, я отключаюсь. Доброй ночи, мой Кексик!

Балашов поворачивает камеру к дочери, которая, потеряв к нам всякий интерес, возится с игрушками на полу. Мы прощаемся, и я трусливо сбрасываю вызов, стараясь не думать о том, как изменилось выражение лица Демида, когда меня окликнул Димка. Он не имеет на меня никаких прав!

И то, что случилось вчера, ничего не меняет. Или…

Плетусь в ординаторскую. Сажусь за стол и обхватываю озябшими руками керамическую чашку. Димка что-то рассказывает мне, пододвигает вазочку с арахисом в шоколаде, а я отвечаю невпопад и никак не могу сосредоточиться. Я снова возвращаюсь туда… В дом моей мечты, которую Демид воплотил в жизнь. И снова с головой погружаюсь в происходящее сумасшествие…

– Демид, Марьян! Все нормально… Что-то с электричеством. Мы сейчас разберемся. Здесь есть фонарик. Вам подсветить?

– Нет! – кричит Балашов прорабу. – Мы побудем тут, пока вы не решите проблему.

– Вас понял… Сейчас все будет в лучшем виде!

Я почему-то смеюсь и утыкаюсь лбом в грудь Демида. Он тоже хмыкает. Одной рукой поглаживает мои волосы, массирует голову, другой… неспешно водит по кромке чулка. Нам не стоит этого делать. Я уверена. Просто потому, что не могу сдаться. Это будет означать, что я простила ему то, что нормальные люди не прощают. Но это не так. Мне все еще больно, когда я вспоминаю о прошлом. Во мне все еще полным-полно горечи. Она отравляет мою жизнь. Каждый ее миг, каждую секунду…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reznik_yuliya/kogda-ty-budesh-moey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить